

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Факультет права

Бурятский государственный университет

СОЦИОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Сбоник статей

Том I

Москва
Юриспруденция
2013

Сборник статей

**Социология уголовного
права. Сборник статей. Том I**

«Юриспруденция»

2013

УДК 343.2/.7(063)
ББК 60.56

Сборник статей

Социология уголовного права. Сборник статей. Том I / Сборник статей — «Юриспруденция», 2013

ISBN 978-5-9516-0642-6

В сборнике представлены работы ученых, принявших участие в I Международной научно-практической конференции «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития», проведенной совместно и Бурятским государственным университетом и факультетом права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в г. Улан-Удэ 21–22 сентября 2012 г. Сборник предназначен для научных работников и преподавателей, аспирантов и студентов, изучающих уголовное право, криминологию и социологию права, практических специалистов, а также всех, кого интересуют проблемы социологии уголовного права.

УДК 343.2/.7(063)

ББК 60.56

ISBN 978-5-9516-0642-6

© Сборник статей, 2013
© Юриспруденция, 2013

Содержание

Предисловие	6
Раздел I. Общие вопросы социологии уголовного права и уголовного закона	8
Салыгин Е. Н. Социальные основания изменений уголовного закона[1]	8
Маркунцов С. А. Теория уголовно-правовых запретов как сквозная концепция социологии уголовного права	12
Зюков А. М., Корчагина В. А. Этносоциология уголовного права	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Социология уголовного права. Сборник статей. Том I

Редакционная коллегия:

Г. А. Есаков, С. А. Маркунцов, В. М. Мельников, А. Н. Мяханова, Э. Л. Раднаева, Е. Н. Салыгин, Ю. В. Хармаев.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013

Предисловие

Проведение международной научно-практической конференции «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития» юридическим факультетом Бурятского государственного университета и факультетом права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Улан-Удэ стало возможным в результате установления партнерских отношений между факультетами.

1 декабря 2009 г. был подписан договор о сотрудничестве между факультетами, а также кафедрой уголовного права факультета права НИУ ВШЭ и кафедрой уголовного права и процесса БГУ. Совместными усилиями юридического факультета БГУ и факультета права НИУ ВШЭ были организованы III Международная научно-практическая конференция «Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона» (г. Улан-Удэ, 17–19 июня 2010 г.), на пленарном заседании которого выступил проф. А. Э. Жалинский с докладом «Российская уголовно-правовая мысль на международной арене», II и III Международные конференции «Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних» (г. Улан-Удэ, 23–25 сентября 2009 г., 16–18 сентября 2011 г.), круглый стол «Общественный запрос на социолого-правовые исследования и обучение социологии права» (г. Москва, 18 июня 2011 г.) и др. Традиционным стал обмен преподавателями для чтения лекций по дисциплинам уголовно-правового цикла, взаимный обмен учебными планами, учебно-методической литературой, осуществление совместных научно-исследовательских проектов, в т. ч. в области сравнительно-правовых исследований и ювенальной юстиции, публикация научных трудов в периодических изданиях, издаваемых вузами. С 2012 г. запланирована серия научно-практических мероприятий БГУ и НИУ ВШЭ «Байкальские встречи», в рамках которой и проведены I Международная научно-практическая конференция «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития» и круглый стол по теме «Проблемы применения условно-досрочного освобождения в контексте проекта федерального закона «О probation».

В работе конференции приняли участие видные ученые и практические работники России (г. Москва, г. Нижний Новгород, г. Улан-Удэ, г. Саратов, г. Иркутск, г. Чита), Китая и Монголии. Проведение конференции – это попытка рассмотреть теоретический багаж социологии права применительно к уголовно-правовым реалиям, найти предметные области социолого-правовых исследований в контексте уголовного права, представляющие практическую значимость, выяснить спрос в обществе на такие исследования.

Отмечая актуальность обсуждаемых на конференции вопросов, участники конференции единодушно отметили необходимость продолжения исследований в сфере социологии уголовного права, а также проведения в будущем подобных мероприятий с приглашением более широкого круга заинтересованных сторон, при этом подчеркивалось, что эффективность и результативность таких встреч во многом будет зависеть от точно обозначенного предмета и формата обсуждения проблемных вопросов.

По мнению участников конференции, вопросы социологии уголовного права являются одним из перспективных направлений развития как в контексте науки уголовного права, так и в рамках социологии права. Социологические исследования в рамках уголовного права приобретают все большее значение на современном этапе развития науки, когда криминология (в современном виде) не исследует целый пласт социальных по своей сути вопросов, связанных с правовой действительностью, имеющих важное значение для уголовного права. Прежде всего, это вопросы социальной обусловленности и обоснованности принятия и применения уголовно-правовых норм, социальной эффективности уголовного права и некоторые другие.

Предлагаемый сборник содержит публикации, как известных ученых, так и молодых специалистов, ставших участниками конференции. Содержательно в сборнике представлены ста-

ты, посвященные общим вопросам социологии уголовного права и уголовного закона, социолого-правовым аспектам Особенной части уголовного закона (не только России, но и ряда зарубежных стран), вопросам социологии уголовного права, смежным с криминологическими исследованиями, а также материалы круглого стола «Проблемы применения условно-досрочного освобождения в контексте проекта федерального закона «О пробации».

Коллектив авторов надеется, что проделанная работа окажется интересной и полезной.

Декан факультета права НИУ ВШЭ

Е. Н. Салыгин

Первый заместитель декана факультета права НИУ ВШЭ

С. А. Маркунцов

Заведующий кафедрой уголовного права и криминологии БГУ

Э. Л. Раднаева

Раздел I. Общие вопросы социологии уголовного права и уголовного закона

Салыгин Е. Н. Социальные основания изменений уголовного закона¹

Салыгин Е. Н. – к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения, декан факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Уголовный закон, который в России в силу полной кодификации уголовного права олицетворяет уголовный кодекс, менялся многократно. Как и в случае принятия новых уголовно-правовых норм, так и в случаях их изменения лежали определенные социальные причины. Понимание и объяснение новелл уголовного кодекса возможно только в связи с установлением их взаимозависимости с этими причинами. Последние изменения УК РФ с середины 2000-х гг., по моему мнению, выражают некие более общие тренды в развитии всего законодательства России и обусловлены, в свою очередь, закономерностями развития современного российского общества и государства. Каковы эти закономерности? Как они повлияли на развитие уголовного закона? Вот те вопросы, на которые мне хотелось бы найти ответ. Но, прежде всего, необходимо прояснить некоторые методологические позиции.

Социальная обусловленность законов исследуются теорией и социологией права, используемыми в качестве главного методологического средства объяснения взаимосвязей права и общества факторный анализ. Последний, следует отметить, характерен и для уголовно-правовой науки. Считается, что на право влияют объективные закономерности социального, экономического, политического, культурного развития, выступающие в качестве социальных факторов права. В коллективной монографии, подготовленной в 1991 г. в Институте государства и права АН СССР известными специалистами в области законодательной социологии были выделены следующие 2 группы факторов: 1) основные (правообразующие) – 1.1. экономический, 1.2. демографический, 1.3. географический, 1.4. политико-правовой, 1.5. социокультурный, 1.6. национальный, 1.7. межнациональный и др.; 2) обеспечивающие (процессуальные) – 2.1. организационный, 2.2. информационный, 2.3. научный и 2.4. программирующий.² При этом, отмечается влияние на содержание закона интересов законодателя, так как действие социальных факторов проявляется опосредованно, лишь в той мере, в какой они осознаются законодателем. Возможно, эти факторы действительно были значимыми, но в советский период. В настоящее время сложилась совершенно иная модель общества, которая раскрывается, на мой взгляд, в концепции, предложенной Д. Нортон, Б. Вайнгатом и Дж. Уоллисом.³ По мнению исследователей, в истории человечества насчитывается три вида социальных порядков: 1) примитивный, характерный для малых социальных групп обществ охотников и собирателей; 2) ограниченного доступа, или естественное государство, в котором личные отношения внутри властной элиты составляют основу социальной организации; 3) открытого доступа, где личные отношения все еще значимы, однако идентичность начинает определяться как набор

¹ Статья написана в рамках проекта фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». При написании статьи использовалась Справочная Правовая Система КонсультантПлюс.

² Законодательная социология / Отв. ред. В. П. Казимирчук, С. В. Поленина. – М., 2010. С. 37–38.

³ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгат Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М., 2011.

безличных характеристик. Россия, как и практически все развивающиеся страны, относится к естественному государству. В нем власть принадлежит господствующей коалиции, члены которой извлекают из своего политического лидерства экономические дивиденды. Зависимость элит, входящих в коалицию, от государственных привилегий обеспечивает внутрикоалиционный и общественный порядок. Многое, если не все, зависит от личных связей и отношений.

Фактор лоббизма никогда не следует упускать при исследовании законотворческой деятельности, но в современной России, относящейся к естественному типу государства, он выражен гораздо интенсивнее. Здесь лоббисты, и скорее всего только лоббисты, имеют шансы на успех. При этом истинные замыслы введения и «надлежащего» функционирования институтов в соответствии с интересами лоббистов бывают скрыты за официально декларируемыми целями, задачами и другими аспектами правовых норм и институтов.

Известно также, что законодательная деятельность, приводящая к изменениям в уголовном кодексе, является составной частью уголовной политики государства, направленной на противодействие преступности. Я разделяю позицию ученых, в соответствии с которой уголовная политика включает в себя несколько уровней: 1) теоретической разработки; 2) концептуальный; 3) законодательный; 4) практической реализации.⁴ На законодательном уровне уголовной политики, помимо уголовного права, задействованы и другие отрасли законодательства: уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное. Для ясности, все, что связано с изменением уголовного права, я буду отождествлять с реализацией уголовно-правовой политики.⁵ Это даст возможность соотносить выработанные наукой представления о принципах, целях и методах уголовно-правовой политики с принципами, методами и целями уголовного права. При этом не могу не согласиться с тезисами исследователей о первичности, большей подвижности уголовно-правовой политики и относительной самостоятельности, стабильности и консервативности уголовного права.⁶

Несмотря на возможность выработки уголовной политики и уголовно-правовых инициатив достаточно широким кругом лиц, в силу особой важности для государства и общества вопросов, решаемых уголовным правом, круг субъектов, подготавливающих и вносящих изменения в УК РФ, немногочислен и ограничивается частью политической элиты (господствующей коалицией), приближенной к главе государства. Любая законодательная инициатива вряд ли будет осуществлена без положительного заключения ее официального представительства – администрации президента. А что касается новелл уголовного права, то они и вовсе разрабатываются главным образом в недрах этой структуры или при активном ее участии. Узость круга лиц, обсуждающих уголовно-правовые инициативы, поспешность, с которой они принимаются, в итоге нивелируют или, можно сказать, нейтрализуют фактор уголовной политики, требующей по определению всесторонне изученных, научно-обоснованных рекомендаций. Поэтому можно сказать, что изменения уголовного кодекса продиктованы узкогрупповыми политическими интересами правящей коалиции, в которых находят свое преломление экономические, социальные и иные факторы общественной жизни. Каковы же эти интересы и как они сопоставляются с развитием российского общества?

Общеизвестным является факт расколотости российского общественного сознания. Это проявлялось и продолжает проявляться (в различных ипостасях) в спорах западников и славя-

⁴ См.: Баршова Л. В., Мартыненко Н. Э., Ревин В. П. Словарь терминов и схем по курсам: «Уголовная политика и ее реализация в деятельности органов внутренних дел» и «Организация профилактической деятельности органов внутренних дел». – М., 2000. С. 23.

⁵ В научной литературе такие отождествления встречаются, в частности, в работах: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. – М., 2009. С. 25–26; Пермяков Ю. Е. Введение в основы уголовной политики. – Самара, 1993. С. 7; Побегайло Э. Ф. Уголовная политика современной России: концептуальный подход // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. Материалы III Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. – М., 2008. С. 466.

⁶ Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 36–37.

нофилов, либералов и консерваторов, модернистов и традиционалистов. Соотношение малочисленных «ядер» двух интеллектуально противостоящих групп, носителей соответствующих ценностей, примерно одинаково. Основная часть населения традиционно проявляет пассивность в самоопределении относительно данного противостояния и полагается на государство, которое и решает, по какому пути развиваться обществу. Наше время не является исключением. Многие социологические исследования приходят к выводу, что социокультурная специфика современной России выражается в особой модели взаимоотношений общества, личности и государства, характерной для традиционалистских обществ, хотя и вступивших уже в эпоху своего разложения. Личные свободы и демократические формы организации общественной жизни и разрешения конфликтов важны для значительной части россиян, все же не являются для них решающими. Интересы макрообщности – общества, народа, страны в ней превыше интересов отдельных людей. Государство – инструмент реализации интересов этой общности. В силу права и долга государства представлять интересы общности граждане, партии и другие организации должны проявлять к нему максимальную лояльность и признавать его право вмешиваться в их жизнь, если это нужно для общества в целом, даже если это ведет к нарушению гражданских прав. Дело оппозиции, которая обязательно должна существовать в рамках этой модели, не конкурировать за власть, а контролировать правильность поведения «власти» в отношении соблюдения ею общественных интересов и помогать ей в этом главным для всех деле.⁷ В марте—апреле 2010 г. Институт социологии РАН инициировал в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ общенациональный социологический опрос, посвященный проблематике различных аспектов модернизации, который охватил 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представляющих основные социально-профессиональные группы населения. Полученные результаты показывают, что для большей части россиян представляется правильной более значимая роль государства, а не рынка, в экономической сфере. Так, 16 % населения вообще предпочли бы видеть плановое социалистическое хозяйство, еще 42 % – экономику с элементами рыночного хозяйства, но основанную все же на государственной собственности. Менее половины населения (42 %) считают, что для России больше подходит экономический строй, полностью или частично основанный на рынке и частной собственности.⁸ При этом, исследователями констатируется, что в стране сосуществуют группы населения, различающиеся не только их представлением об оптимальной модели общества и пути развития России, но и своими ценностями, нормами, мировоззрением в целом. По данным 2010 г., доля модернистов по типу сознания составила 23 %, доля традиционалистов – 15 %. По сравнению с 2006 г. произошел рост доли модернистов – тогда среди экономически активного городского населения их было 25 % при 13 % традиционалистов. Доля неопределившихся стабильно в 2006 г. и 2010 г. оставалась 62 %.⁹ Общий вывод, который делается в аналитическом докладе, состоит в том, что социальной базой модернизации в России может стать модернизационно настроенная группа населения. При этом не обойтись без изменения ценностного восприятия остальной части населения, т. е. без завершения социальной и социокультурной модернизации, прежде всего – установления реального равенства всех перед законом, без формирования в массовом масштабе личности нового типа, спо-

⁷ Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизации в России (Опыт эмпирического анализа) // *Общественные науки и современность*. 2008. № 2; Тихонова Н. Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1; Тихонова Н. Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений личности, общества и государства // *Общественные науки и современность*. 2005. № 6; Тихонова Н. Е. Личность, общество, власть в российской социокультурной модели // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3.

⁸ Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад. Российская Академия Наук. Институт социологии. – М., 2010. С. 25.

⁹ Там же. С. 31–33.

собной к целерациональным действиям. Главным тормозом же модернизационного прорыва выступает коррумпированная часть государственного аппарата.¹⁰ Уже сейчас мы видим, что с изменением персонального состава правящей коалиции уходит как модернизационная риторика, так и реальное желание (было ли оно вообще?) преодолеть те ключевые пороки российской экономики, которые мешают ей успешно развиваться: силовое давление на бизнес, незащищенность частной собственности и независимость судебной системы. Инициированные Верховным судом и ожидаемые предпринимателями поправки в ст. 159 УК РФ, идущие, казалось бы, в русле либерализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства, на деле оказываются декоративными, имеющими мало общего с реальной помощью тем бизнесменам, которые подвергается уголовному преследованию со стороны представителей правоохранительных структур, участвующими под видом борьбы с мошенничеством в перераспределении собственности. Законодательные инициативы по ужесточению ответственности за несанкционированные публичные манифестации, постоянно усиливающаяся ответственность за хулиганство и экстремизм, увеличивающиеся ограничения в области общественной и профессиональной деятельности для лиц, подвергшихся уголовному наказанию, и ряд других мер, направленных на борьбу с оппозицией, ясно свидетельствуют о желании правящей элиты сохранить свое господствующее положение, законсервировать разложение господствующего традиционалистского сознания. Основной социальной силой, на которую старается опереться правящая элита, является слой «традиционалистов», с архаичными представлениями о приоритете общественных ценностей, выразителем которых является государство, над частными; о государственной власти, обладающей значительной собственностью и иными ресурсами для их «справедливого» перераспределения и т. п. Для расширения своей социальной базы, все чаще озвучиваются и проводятся в жизнь законодательные инициативы в области обеспечения традиционных ценностей – в сфере отношения полов, семьи, религии. Традиционализация ценностной системы российского общества, в том числе посредством уголовного преследования за действия, явно нарушающие традиционный уклад, или легитимный для традиционалистски настроенных слоев общества образ жизни, – это следование морали «социальных низов», поскольку, как показывают исследования, модернисты в основном (на две трети) представители средних слоев, в то время как традиционалисты на 81 % состоят из пенсионеров и рабочих, индивидуальные доходы которых и уровень образования ниже средних по стране.¹¹ Вопрос о более далекой перспективе, выходящей за пределы потребности использования экономической ренты из политического господства остается открытым. Сможет ли Россия, ориентируясь на традиционные ценности и связанный с ними архаичный уклад в области отношений власти и собственности, конкурировать и в каких-то отношениях противостоять развитым и развивающимся странам, ориентирующимся на другие социокультурные приоритеты и властные модели? Его следует, по крайней мере, обсуждать, в том числе и в контексте все больше возникающих законодательных инициатив и новелл в области традиционализации образа жизни россиян. И вопросы уголовного права здесь не являются исключением. Скорее, наоборот, по причине центральной роли, которую играет уголовное право в социальном контроле, этим вопросам здесь и место. Давайте, будем эти проблемы ставить и рассматривать в широком социокультурном и социально-политическом контексте.

¹⁰ Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад. Российская Академия Наук. Институт социологии. – М., 2010. С. 179.

¹¹ Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад. Российская Академия Наук. Институт социологии. – М., 2010. С. 135.

Маркунцов С. А. Теория уголовно-правовых запретов как сквозная концепция социологии уголовного права

Маркунцов С. А. – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права, первый заместитель декана факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

До настоящего времени не выработано единой позиции в определении понятия, предмета и места социологии уголовного права в системе наук. Одни ученые признают социологию уголовного права в качестве составной части науки уголовного права. Другие полагают, что наряду с уже существующими уголовным правом и криминологией желательное оформление в качестве самостоятельных наук социологии уголовного права¹² и уголовной политики. Третьи считают, что вопросы уголовной социологии должны рассматриваться в рамках криминологии, а не уголовного права, полагая, что криминология по существу и может рассматриваться как социология уголовного права. Такой подход представляется необоснованным, исходя из оценки состояния и перспектив развития данной науки.

Современные ученые-криминологи по-разному определяют место криминологии среди других юридических и неюридических наук. Г. А. Аванесов считает, что криминология – основная наука уголовно-правового цикла.¹³ М. П. Клейменов полагает, что криминология – наука для специалистов в области социального менеджмента.¹⁴ В настоящее время в отечественной юридической литературе большинством авторов (Ю. М. Антонян,¹⁵ А. И. Долгова,¹⁶ В. Д. Малков¹⁷ и др.) криминология рассматривается как *общетеоретическая* наука для наук криминологического цикла. При этом, с точки зрения классификации наук, одни ученые относят ее к междисциплинарным наукам (М. П. Клейменов,¹⁸ Н. Ф. Кузнецова¹⁹), другие – к прикладным (В. Д. Малков²⁰).

Сами криминологи указывают, что в литературе предмет криминологии определен далеко не однозначно.²¹ Ученые-криминологи не могут договориться о базовых положениях криминологии, ее структуре, месте в системе наук и тенденциях развития.²²

В современной юридической литературе и на научных форумах достаточно активно обсуждается проблематика кризиса отечественной криминологии. Следует согласиться с В. А. Туляковым в том, что содержание современного понимания криминологии не учитывает специфику реализации и взаимодействия правовых и социальных явлений, в силу чего выглядит

¹² В перспективе, наряду с уже существующим уголовным правом и криминологией, желательное оформление в качестве самостоятельных наук социологии уголовного права и уголовной политики. См.: Милоков С. Ф. Проблемы криминологической обоснованности российского уголовного законодательства: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2000. С. 6.

¹³ Криминология: учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. С. Я. Лебедева, М. А. Кочубей. – М., 2007. С. 34.

¹⁴ Криминология: учебник / М. П. Клейменов – М., 2008. С. 14.

¹⁵ Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М., 1997. С. 8.

¹⁶ Криминология: учебник / Под общ. ред. А. И. Долговой – М., 2010. С. 42.

¹⁷ Криминология: Учебник / Под ред. В. Д. Малкова. – М., 2004. С. 5.

¹⁸ Криминология: учебник / М. П. Клейменов – М., 2008. С. 13.

¹⁹ Криминология: учеб. пособие / Г. И. Богущ, О. Н. Ведерникова, М. Н. Голоднюк и др.; науч. ред. Н. Ф. Кузнецова. – М., 2010. С. 34.

²⁰ Криминология: Учебник / Под ред. В. Д. Малкова. – М., 2004. С. 5.

²¹ Там же. С. 6.

²² Подробнее об этом см.: Маркунцов С. А. О соотношении криминологии и уголовно-правовой социологии в контексте теории уголовно-правовых запретов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 22–27.

крайне расплывчатым.²³ Одновременно происходит поразительная ситуация: ряд криминологов максимально пытается отмежеваться от уголовного права, начиная даже исправлять «для целей криминологии» базовые, легальные уголовно-правовые понятия.²⁴ Следует согласиться с мнением М. С. Рыбака о том, что сегодня несколько (и даже значительно – С. М.) утрачена межпредметная научная связь уголовного права и криминологии.²⁵ Данная связь все более и более ослабевает.

В свое время А. А. Герцензон писал, что между социологией права и криминологией существует тесная связь, которая, несомненно, усилится, когда юристы-криминалисты вплотную займутся социологическими исследованиями таких институтов уголовного права, как соучастие, покушение, необходимая оборона, эффективность применения отдельных видов наказания, условного осуждения и т. д.²⁶ К сожалению, произошла обратная ситуация: когда в науке уголовного права после «излишней догматизации уголовного права, происходившей в 90-х годах XX века» стали появляться отдельные социологические исследования, началось противостояние криминологии и уголовного права.

С. Ф. Милоков еще в начале XXI в., указывая на «в некотором смысле противостояние» криминологии уголовному праву, писал о том, что криминологическая критика уголовного права будет развиваться, по всей видимости, не только с позиций оценки его эффективности (неэффективности), но и с точки зрения соответствия его институтов общечеловеческим ценностям, возрастающим стандартам гуманизма.²⁷ Критика уголовного права со стороны ряда криминологов действительно усилилась.²⁸ Хочется напомнить тот факт, что в 70-е годы XX в. ученые, стоявшие у истоков криминологии, указывали, что выделение криминологии из уголовного права как самостоятельной науки не привело и не должно было привести к сужению социальных исследований в области уголовного права.²⁹ В связи с этим можно задать уважаемым криминологам встречный вопрос: кому будет нужна криминология, оторванная от уголовного права?

Итак, на современном этапе развития криминология не может (а по мнению некоторых криминологов, и не желает) вобрать в себя целый пласт социальных по своей сущности вопросов, связанных с правовой действительностью, имеющих важное значение для уголовного права.

Б. А. Кистяковский еще в начале XX в. писал, что право есть не только совокупность норм, а и жизненное явление. Все юристы согласны в том, что право, для того, чтобы быть правом, должно постоянно осуществляться в жизни.³⁰ Исходя из этого, весьма важными представ-

²³ Туляков В. А. Тенденции развития современной криминологии и уголовно-правовая доктрина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 2. С. 6.

²⁴ Подробнее об этом см.: Маркунцов С. А. К вопросу о мнимом криминологическом понятии преступления // Право. Журнал высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 63–68.

²⁵ Рыбак М. С. Связь уголовного права и криминологии как условие устойчивой борьбы с преступностью // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью / Сборник научных трудов под ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов, 2008. С. 473.

²⁶ Герцензон А. А. Уголовное право и социология. – М., 1970. С. 54.

²⁷ Милоков С. Ф. Криминология уголовного закона. // Криминология – XX век / Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. – СПб., 2000. С. 12.

²⁸ О «вынужденном существовании» уголовного законодательства пишет Я. И. Гилинский. См.: Гилинский Я. И. Уголовное право: взгляд криминолога // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции (26–27 января 2012 г.). – М., 2012. С. 14–19; Д. А. Шестаков прямо ставит вопрос: Должна ли криминология быть «служанкой уголовного права»? См. блог Д. А. Шестакова: <http://www.crimpravo.ru/blog/1887.html> Исходя из постановки вопроса, очевидно, что у криминологии и уголовного права «не может быть общего будущего».

²⁹ Шляпошишков А. С. I. История советской криминологии // Криминология. Исправительно-трудовое право. История юридической науки / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М., 1977. С. 7.

³⁰ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. – М., 1916. С. 359.

ляются исследование вопросов, связанных с воплощением уголовного закона в реальной действительности, вопросов «жизни уголовного права» с различных сторон. Эти вопросы должны лежать в основе, составляя ядро предмета социологии уголовного права как части науки уголовного права.

Но есть ли место социологии уголовного права в структуре науки уголовного права? Представляется, что есть. Структурировав науку уголовного права по «пространственно-иерархическому» (международное и национальное уголовное право; отечественное уголовное право и уголовное право зарубежных стран), «практическому» (предмет уголовного права рассматривается на двух уровнях: материальном – как реальное поведение и нормативном – как созданный обществом феномен³¹) и «временному» критериям, считаем возможным также в общих чертах воспринять дореволюционную модель строения науки уголовного права с теми конструктивными изменениями в контексте общественных отношений, которые произошли за прошедшее время, и определить ее как предметно-институциональный критерий, выделив в рамках науки уголовного права такие ее основные части (направления), как уголовная догматика, уголовная социология, уголовная политика.³²

Таким образом, представляется вполне логичным, что вопросы, входящие в предмет социологии уголовного права, могут рассматриваться в различных «плоскостях»: в контексте пространственного, временного и даже практического критерия. В частности, вопросы эффективности конкретного уголовно-правового запрета с позиции различных ее критериев могут иметь в большей степени как материальную, так и нормативную составляющую.

Остается еще ряд вопросов. Каков предмет социологии уголовного права? Каково место теории уголовно-правовых запретов в рамках социологии уголовного права?

А. А. Герцензон прямо указывал, что социология права представляет собой отрасль социологии и правоведения, исследующую социальные преломления правовых институтов в реальной действительности.³³ А. М. Яковлев писал, что если для правовой науки в собственном смысле этого слова главную роль играет изучение соответствующей отрасли права, воплощенной в системе законодательства, то для социологии права главное заключается в изучении закономерностей в деятельности лиц: (а) принимающих законы, (б) применяющих законы, а также (в) деятельности всех тех лиц, на поведение которых воздействуют нормы права.³⁴ Схожим образом определял предмет социологии права В. Н. Кудрявцев, полагая, что социальные исследования в праве имеют своим предметом общественные отношения в сфере создания и применения правовых норм; они направлены на изучение социальной обусловленности и социальной эффективности права и его интересов.³⁵

Определяя понятие и предмет социологии уголовного права, Л. И. Спиридонов писал, что в системе правоведения социология уголовного права есть направление (аспект, сторона) науки уголовного права, которое рассматривает уголовно-правовые институты и нормы в их социально-экономической обусловленности, в процессе их функционирования в обществе и в связи с их социальной эффективностью.³⁶ В. В. Орехов рассматривает социологию уголовного права как неотъемлемый сквозной элемент науки уголовного права, который представ-

³¹ Жалинский А. Э. Уголовно-правовая наука // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / Под ред. В. В. Лунева. – М., 2010. С. 109.

³² Подробнее об этом см.: Маркунцов С. А. Место уголовной социологии в структуре науки уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Международной научно-практической конференции 27–28 января 2011 г. – М., 2011. С. 90–95.

³³ Герцензон А. А. Уголовное право и социология. – М., 1970. С. 54.

³⁴ Яковлев А. М. Теоретические проблемы социологии права // Проблемы социологии права / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. Б. Чяпас. – Вильнюс, 1970. Вып. 1. С. 28.

³⁵ Кудрявцев В. Н. Социология, право и криминология // Советское государство и право. 1969. № 2. С. 65.

³⁶ Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. – М., 1986. С. 19.

ляет собой совокупность научных взглядов и представлений об институтах и понятиях уголовного права на основе конкретно-социологического исследования их содержания, выяснения их социальной обусловленности, анализа результатов применения уголовного закона и взаимосвязи уголовно-правовых и смежных с ними понятий и институтов.³⁷ Схожих позиций по данному вопросу придерживались Б. В. Здравомыслов, Г. А. Кригер и некоторые другие ученые.

Итак, в наиболее общем виде можно определить социологию уголовного права как самостоятельную часть (подсистему) науки уголовного права, представляющую собой систему теоретических взглядов, представлений, гипотез о социальной обусловленности, восприятия и реализации «в реальной жизни» отдельных уголовно-правовых институтов и норм, а также в целом уголовного законодательства и уголовного права. В целом, соглашаясь в вопросе определения предмета социологии уголовного права с вышеназванными учеными, считаем, что в настоящее время наиболее актуальными для исследования в этой сфере являются вопросы уголовно-правового мышления, проблемы спроса на уголовное права, стоимости уголовного права, уголовно-правовых рисков, оценки роли и значения уголовного закона и права для общества, социальной обусловленности и обоснованности отдельных норм и институтов уголовного права, эффективности положений уголовного закона и в целом – уголовно-правового воздействия. Эти и некоторые другие вопросы следует отнести к предмету уголовно-правовой социологии.

Теория уголовно-правовых запретов должна занять базовое место в предмете социологии уголовного права, что обусловлено интегральным характером самой категории «уголовно-правовой запрет».

Во-первых, полагаем, исследование категории уголовно-правовых запретов необходимо в контексте социальной обусловленности и обоснованности конкретных уголовно-правовых запретов. В этом смысле уголовно-правовой запрет можно рассматривать как базовое (основное) нормативно-правовое предписание, ядро запрещающей уголовно-правовой нормы, представляющее собой законодательную конструкцию, т. е. систему нормативно закрепленных признаков, описывающих различные варианты (модели) потенциального преступного поведения. Структурными элементами уголовно-правового запрета, как нормативно-правового предписания, можно признать многообразие нормативно закрепленных признаков, составляющих различные варианты (модели) потенциального преступного поведения. В основу систематизации указанных признаков, во-первых, можно положить модель преступного поведения (каждый уголовно-правовой запрет содержит несколько таких моделей), во-вторых, в контексте конкретных моделей преступленного поведения указанные признаки можно систематизировать по элементам состава преступления (возможно, за исключением, элемента объекта преступления, так как его признаки напрямую не содержатся в тексте уголовно-правового запрета как нормативного предписания). Охранительная функция уголовного права, как известно, реализуется через уголовно-правовой запрет на совершение *определенного рода* деяний или через уголовно-правовой запрет на совершение *любого* деяния, являющегося причиной «запрещенного» последствия.³⁸

Во-вторых, полагаем, необходимость исследования уголовно-правового запрета связана с изучением механизма действия уголовного права. В рамках правового воздействия можно выделить два основных уровня действия права: 1) уровень существования; 2) уровень социально-правовых действий (реального функционирования). Если второй уровень функционирования (реализации) права изучен достаточно детально, то уровень существования права – нет. Уровень существования отражает главным образом информативное и ценностно-ориентационное действие права, хотя полностью к нему и не сводится. Представляется, что уго-

³⁷ Орехов В. В. Социология в науке уголовного права. – Л., 1985. С. 14.

³⁸ Кошелева А. Ю. Структура науки уголовного права // Закон и право. 2010. № 11. С. 70–71.

ловно-правовое воздействие в этом смысле представляет собой уголовно-правовое регулирование плюс «действие» или «влияние» уголовного закона. На наш взгляд, именно на уровне существования, когда уголовно-правовая норма еще не действует, уже начинают действовать уголовно-правовые запреты. В этом смысле уголовно-правовой запрет первичен по отношению к норме-запрету Особенной части УК РФ. Уголовно-правовой запрет в этом смысле – это не только формальное государственно-властное веление нормативного характера, но и интерпретация общественных отношений (социального контекста) сквозь призму целей и задач, символов уголовного права. В контексте такого механизма действия уголовно-правовой запрет, быть может, даже ближе к категории субъективного права, чем к категории объективного права.³⁹ Следует констатировать, так же как и субъективное право первично по отношению к объективному праву, так и уголовно-правовой запрет первичен по отношению к норме Особенной части УК РФ.

В-третьих, полагаем, что необходимость выделения уголовно-правового запрета в качестве самостоятельного понятия связана с наиболее оптимальной возможностью оценки качества действия уголовного закона (права) с позиций его эффективности, справедливости и т. д. Необходимо отметить сложность и даже практическую невозможность определения эффективности отрасли уголовного права, связанную не только с большим количеством критериев оценки эффективности, но и с тем, что реализация норм Особенной части УК РФ всегда опосредуется через применение норм Общей части УК РФ и достаточно часто – через нормы других отраслей права.⁴⁰ Эффективность нормы Особенной части УК РФ осложняется также «опосредованным» механизмом их реализации, она содержит в себе фактически два правила поведения: первое из них – собственно, уголовно-правовой запрет совершать деяния, содержащие признаки состава преступления (то есть обязанность воздерживаться от совершения вышеназванного деяния), и второе – обязанность применить меры государственного принуждения в случае совершения этого деяния. В контексте определения эффективности нормы Особенной части УК РФ можно отдельно оценивать эффективность действия санкции соответствующей нормы. Вследствие этого, полагаем, юридически обоснованным и наиболее оптимальным в контексте проблемы эффективности правовых предписаний в рамках науки уголовного права является определение эффективности конкретного уголовно-правового запрета как основного вида уголовно-правовых предписаний.

Уголовно-правовой запрет – это первичная ячейка в контексте социологии уголовного права как специфической части науки уголовного права. Уголовно-правовой запрет, являясь первичной ячейкой уголовного права, отражает в себе как специфику содержания уголовно-правовой нормы, так и особенности метода уголовного-правового регулирования. Таким образом, уголовно-правовой запрет – сквозное понятие для социологии уголовного права, а теория уголовно-правовых запретов должна стать ее базовой концепцией.

³⁹ Право в своем осуществлении, т. е. как жизненное явление, служит предметом исследования юристов под именем субъективного права, противопоставляемого праву объективному или праву как совокупности норм. См.: *Кистяковский Б. А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. – М., 1916. С. 359.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: *Маркущев С. А.* Определение и специфика применения критериев эффективности уголовно-правовых запретов. // Уголовное право и современность. Сборник статей. Выпуск 3. / Отв. ред. А. Э. Жалинский. – М., 2011. С. 39–57.

Зюков А. М., Корчагина В. А. **Этносоциология уголовного права**

Зюков А. М. – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Владимирского юридического института ФСИН России;
Корчагина В. А. – соискатель кафедры уголовного права и криминологии Владимирского юридического института ФСИН России

Социологическая школа уголовного права, направление в науке уголовного права, возникло в кон. XIX – нач. XX вв. Представители школы – Ф. Лист (Австрия), Ч. Ломброзо, Э. Ферри (Италия), российские ученые И. Я. Фойницкий, С. В. Познышев, признавая социальную обусловленность преступного поведения человека, в то же время считали, что на него влияют и биологические (в т. ч. наследственность), физические (время года, климат, время суток и т. п.) и иные факторы. Современные сторонники социологической школы уголовного права выдвигают теорию множественности факторов преступности как биологических, так и социальных (напр., связанных с урбанизацией).

В современном общественном сознании вычленяются различные его подструктуры: теоретически систематизированное (идеология и наука) и теоретически несистематизированное (обыденное) (традиции, формирующие нравственные, правовые и иные воззрения и т. п., которые в свою очередь формируют обычаи). Таким образом, обыденное сознание в обществе формируется под влиянием и теоретических элементов сознания, и реальной общественной практики людей, а также передаваемых от поколения к поколению и поддерживаемых определенными социальными группами обычаев, традиций.⁴¹

В учебниках по правоведению мы можем встретить определение, закрепляющее положение, что Право – один из регуляторов общественных отношений. Воздействуя на волю и сознание людей, оно самым авторитетным образом склоняет их к определенному поведению.

В систему нормативного регулирования общественных отношений входят следующие виды норм: – обычаи (в форме традиций, ритуалов, обрядов и т. д.); – религиозные нормы; – нормы общественных объединений (корпоративные нормы); – нормы морали. Право является таким социальным регулятором, который может включать любые из перечисленных норм.

Может ли в современных традиционных этногруппах уголовное право выступать регулятором общественных отношений, если в ответ на публикацию рисунков или фильмов с религиозной тематикой, мир охватывают протестные выступления, осуществляются призывы к убийству авторов произведений, возникают этнические (межкультурные) конфликты, ряд участников конфликтов убивается, значительная часть получает телесные повреждения, а сами рисунки и фильмы именуется провокацией и «богохульством»?

Сегодня большинство зарубежных и отчасти российских исследователей согласны с тем, что процедура разрешения конфликта может быть как государственной (судебной), так и негосударственной (альтернативной).

При описании процессов разрешения конфликтов долгое время доминирующее положение занимала эволюционная теория, в соответствии с которой в традиционных (коллективных) обществах индивиды связаны между собой близкими связями, стараются сохранить общность,

⁴¹ Из выступления Долговой А. И., д-ра юрид. наук, проф. на Международной научно-практической конференции «Преступность и духовная сфера жизнедеятельности» (Псков, Псковский юридический институт, 21–23 сент. 2007 г.) // Цит. по: Зюков А. М. Генезис уголовной этнополитики Российского государства в период X–XXI в.: Монография. – Владимир, 2008. С. 269.

поэтому предпочтение отдается договорным процедурам. Принято считать, что в современных обществах тенденция прямо противоположна – доминирует обращение в суд.⁴²

Однако анализ большинства современных конфликтов показывает, что их участники находятся во внеправовом поле и не желают обращаться в суд, что подтверждает характер их действий (призывы, действия, применение насилия и т. п.).

Так, в протестах против карикатурных изображений пророка **Мухаммеда** во французском сатирическом еженедельнике и против скандального фильма «*Невинность мусульман*» участвует мусульманское население в Пакистане, Нигерии, Франции, Швейцарии, Австрии, Германии, Бангладеш, Египте, Сирии, Судане, Тунисе, Ливии, Йемене. Автор фильма публично заявил, что умышленно сделал провокационный шаг со съемкой фильма.

Карикатурный скандал – межкультурный конфликт между мусульманами арабского мира и современной западной культурной традицией, базирующейся на свободе слова, вспыхнувший в конце 2005 – начале 2006 годов и охвативший практически все страны Европы и мусульманского Востока, а также политический конфликт внутри европейских государств. Причиной конфликта послужили карикатуры на исламского пророка **Мухаммеда**, напечатанные в 2005 году в одной из **датских** газет. Руководство газеты Jyllands-Posten утверждает, что опубликованные рисунки являются лишь демонстрацией осуществления на практике свободы слова, однако многие **мусульмане** в самой Дании, как и приверженцы **ислама** за её пределами, рассматривают их как сознательную провокацию и «богохульство».

Термин «провокация» встречается не во всех уголовных законах стран, в которых проходят протестные выступления.

Например, уголовный закон Франции предусматривает ответственность за провокационные действия, выразившееся в провоцировании самовооружения против государственной власти или части населения (ст. 412–8); если провокация достигла результатов (там же); и если провокация совершена с использованием печатных или аудиовизуальных средств массовой информации, специальные положения законов, регулирующих деятельность средств массовой информации, применяются для определения лиц, подлежащих ответственности; за прямое провоцирование вооруженного сборища, выраженное либо в публичных выступлениях или криках, либо в расклеенных или распространенных листовках, либо совершенное любым другим способом передачи текста, речи или изображения (ст. 431–6).

Уголовный кодекс Франции в данном случае представляется нам более универсальным, чем законы иных государств, так как кроме термина «провокация» уголовный закон Франции включает нормы об ответственности за непубличную диффамацию, направленную против какого-либо лица или группы лиц в силу их происхождения либо реальной или предполагаемой принадлежности или непринадлежности к определенной этнической группе, нации, расе или религии, и непубличное оскорбление, направленное против какого-либо лица или группы лиц в силу их происхождения либо реальной или предполагаемой принадлежности или непринадлежности к определенной этнической группе, нации, расе или религии;⁴³

Уголовный кодекс Германии в § 35 (Оправданное вынужденное положение) указывает на провокацию, действия лица, совершившего деяние и спровоцировавшего опасность. В данном случае законодатель указывает, что такие действия нельзя считать совершенными невиновно.⁴⁴

И даже в этих странах (Франция, Германия) мусульманское население не прибегает к правовому способу разрешения конфликтов, а в традиционных исламских государствах, в которых отсутствует термин «провокация», действия их жителей носят явно и подчеркнуто внеправовой характер. Так, в Кабуле женщина с «жилетом смертника» из-за фильма совершила теракт

⁴² Примак Т. К. Альтернативные средства разрешения конфликтов // Мировой судья. 2010. № 9. С.4–7.

⁴³ Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой. – СПб., 2002.

⁴⁴ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии: в ред. от 13 нояб. 1998 года. По состоянию на 15 мая 2003 г.

против иностранцев. Взрыв произошел, когда микроавтобус с рабочими следовал в кабульский международный аэропорт. Погибли 10 человек, среди них – 9 иностранцев. Ответственность взяла на себя группировка «Хезб-и-ислами».⁴⁵

Смысловым содержанием провокации признается подстрекательство кого-либо к заведомо вредным для него действиям.⁴⁶

По определению Н. С. Таганцева, провокатор – «тот, кто возбуждал к преступлению с целью предать совершителя правосудию и подвергнуть его ответственности».⁴⁷ Так же понимали деятельность провокатора и другие видные русские ученые.⁴⁸

Общественная опасность провокации преступлений очевидна. Примером в данном случае выступают этнические конфликты, провоцируемые действиями лиц, подобных действиям авторов фильма «Невинность мусульман» и карикатур на пророка Мухаммеда.

За введение уголовной ответственности за провокацию преступления сегодня выступают А. А. Арутюнов,⁴⁹ Н. В. Артеменко и А. М. Минькова.⁵⁰

В частности Н. В. Артеменко и А. М. Минькова отмечают, что в действующем уголовном законе в качестве специального вида исполнительской деятельности криминализована провокация двух преступлений – взятки и коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ). Однако провоцировать можно на совершение фактически любого преступления, и в этом случае возникает вопрос о правовой оценке провокаторской деятельности. В свое время он поднимался еще дореволюционными криминалистами для оценки действий агентов-провокаторов, которые предлагалось признавать уголовно наказуемыми и оценивать как подстрекательство.⁵¹ Подобная точка зрения на природу провокации превалировала и в доктрине советского уголовного права.⁵² В настоящее время эта проблема вновь активно обсуждается на страницах печати.⁵³

Полагаем, что, соглашаясь с Н. В. Артеменко и А. М. Миньковой, можно отметить главную опасность провокации – противоправное создание обстановки и условий, побуждающих совершить преступление. Провокация преступлений в современном обществе достигла той степени выраженной опасности, что требует закрепления ответственности за провокацию преступлений в уголовном кодексе.

Пример событий, произошедших после выхода фильма «Невинность мусульман», показывает, что подрывается духовная безопасность общества – состояние защищенности духовных ценностей человека и общества, являющихся частью общечеловеческих ценностей и соответствующих интересам данного сообщества.⁵⁴

⁴⁵ В Кабуле из-за фильма «Невинность мусульман» совершен теракт против иностранцев // Московские новости, 18.09.2012 г. // http://mn.ru/world_mideast/20120918/327242598.html.

⁴⁶ Словарь иностранных слов. – М., 1990. С. 410.

⁴⁷ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. – СПб., 1902. С. 769.

⁴⁸ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. – М., 1912. С. 389; Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. – Киев, 1904. С. 215; Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Т. 1. – Юрьев, 1907. С. 499.

⁴⁹ Арутюнов А. А. Провокация преступления. // Российский следователь. 2002. № 8.

⁵⁰ Артеменко Н. В., Минькова А. М. Проблемы уголовно-правовой оценки деятельности посредника, провокатора и инициатора преступления в уголовном праве РФ // Журнал российского права. 2004. № 11.

⁵¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: В 2 т. Т. 1. – М., 1994. С. 348–349.

⁵² Пионтковский А. А. Учение о преступлении. – М., 1961. С. 573; Трайнин А. Н. Учение о соучастии. – М., 1941. С. 103.

⁵³ Иванов В. Провокация или правомерная деятельность? // Уголовное право. 2001. № 3; Арутюнов А. Провокация преступления // Российский следователь. 2002. № 8; Арутюнов А. А. Подстрекатель преступления // Государство и право. 2002. № 11; Волженкин Б. Допустима ли провокация в целях борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. 2001. № 5.

⁵⁴ Цит. по: Меркурьев В. В. Духовная безопасность // Тезисы выступления на Международной научно-практической конференции «Преступность и духовная сфера жизнедеятельности». Псков, Псковский юридический институт. 21–23 сентября 2007 г. Также: Меркурьев В. В. Теоретические и методологические проблемы уголовного-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту: Дис... докт. юрид. наук. – Рязань, 2006. С. 458.

Авторы анализируемого нами фильма и подобных фильмов пытаются воздействовать на потенциального зрителя через духовные корни народа, так как духовность – важнейший фактор развития цивилизации, открытия новых форм общественной жизни, соответствующих изменившимся условиям существования; преобладание в человеке духовных, нравственных, интеллектуальных качеств (ценностей) над материальными запросами.

Духовность нации складывается не сиюминутно, необходимы годы и столетия. И вот, что по этому поводу писал в конце XIX в. выдающийся историк и политический деятель П. Н. Милоков: «Разграничительной особенностью для национального сознания является вероисповедная форма. Вера в социологии – совсем не то, что в богословии: не совокупность открытых истин, обыкновенно мало известных и даже мало доступных массам, а всем известное, доступное и понятное знамя, вокруг которого сосредоточивается борьба за национальные особенности... Тот, кто стоял «за веру», тем самым стоял за национальность».⁵⁵

Показательна общественная реакция в некоторых странах на попытки художников-творцов вовлечь в свое «искусство» искаженные образы и символы христианства. Так, в Великобритании жесткому остракизму была подвергнута кинолента Уингроу «Видение Экстаза», издевательски изображающая жизнь святой католической церкви – Терезы Авильской. Британское управление классификации фильмов не выдало Уингроу сертификат, позволяющий ему демонстрировать свой фильм на публике. Более того, Европейский суд по правам человека, опираясь на положения Европейской конвенции о защите прав человека, дважды признал правоту Британского управления. В своем решении Европейский суд указал, что свобода слова и вдохновения не освобождает от обязанности избегать общественной демонстрации того, что представляется другим людям необоснованно оскорбительным и даже оскверняющим религиозные ценности.⁵⁶

Термин «богохульство» как характеристика событий связанных с демонстрацией указанных фильмов и распространением карикатур на пророка и именуемых так религиозными деятелями ислама, также требует своего раскрытия. Термин «богохульство» встречается в уголовном законодательстве отдельных исламских государств.

В настоящее время в Пакистане нарушение закона о богохульстве влечёт за собой немедленный арест. Принято считать, что само понятие *«богохульство»*

⁵⁵ Милоков П. Н. «Очерки по истории русской культуры» в 2-х томах, 1898 г. Часть третья «Национализм и общественное мнение». Выпуск первый. Издание ред. журнала «Мирь Божий», С-Петербург, типография И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43), 1901 г. С. 91.

⁵⁶ См.: Приговор Таганского районного суда г. Москвы от 28 марта 2005 г. С. 21–22 (Т. 1, л.д. 235–242).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.